

К Р О К О Д И Л

ЛУНИНЦЫ МЕТКОЙ СТРЕЛБЫ

(Советская подводная лодка под командованием Героя Советского Союза капитана 3-го ранга тов. Лунина торпедировала германский линкор «Тирпиц»)

Пловучий тир в Баренцевом море

Рис. Б. Пророкова

Нос

ЭТО не рассказ. Здесь не будут описаны какие-либо события. Я поставил перед собой более скромную задачу—дать беглый очерк одной из хорошо знакомой личности.

Речь идет о Луке Лукине.

Вот не уважало и этого человека—и никто меня с этого рубрика сдвинуть не сможет. И местный он, кажется, парень, Лука Лукич. И работает, кажется, неплохо. И порядочен, кажется, и был. И книги, кажется, читает. И вообще за всем, кажется, числится очень много разных достоинств.

А уважать его вот никак не представляется возможным. Да и не я один такой. Уверен, что когда читатель потрудится дочитать этот очерк до конца, то и он всецело присоединится к моему мнению.

Больше всего не нравится мне в почтенном Луке Лукине его нос.

С легкой руки Гоголя, нос в русской литературе занял подобающее ему место. Осмелившись внести свой небольшой вклад в эту сокровищницу, я хочу со всей силой подчеркнуть, что отнюдь не собираюсь касаться физической стороны вопроса.

Но по душе мне нос Луки Лукича по нисто моральным соображениям.

Видите ли, в чем дело,—это нос без перспектив. Он никогда не смотрит прямо, вперед: он или откидывает в гору или приспущен долу.

Все зависит от тех или иных спорок в утренней газете.

В газете, скажем, сегодня написано, что наша часть на левом участке фронта нанесла удар по противнику и заняла ряд населенных пунктов. Нос Луки Лукича отшатывает сразу карачком к потопу.

Мы все радуемся успехам нашей Красной Армии. Каждый из нас говорит:

— Хорошо! Значит, работать еще чище, еще горячее!

Но Лука Лукич настроен иначе. Он бдитро поправляет руки и, наслаждаясь ароматом папиросы, молча ворочает:

— О! Сейчас маленько и отдохнуть можно. Давно я, грешный, галстунка не надевал!.. А маскхорошку эту самую с нашего здания пора бы и потру убрать!.. И почему у нас дежурные разные, вахтеры, пропуска? Все это, по-моему,—запасное на сегодняшней день!.. «Серый камень, серый камень, серый камень—вот штука. Тяжелее сера камня—распространенная любовь!..» Хороша песня!

Проходит неделя—другая. Лука Лукич рано утром прочел в газете, что наша часть на левом участке фронта вынуждена была отойти на новый рубеж, оставив ряд населенных пунктов.

И сразу мучительный нос нашего героя скручивается с рожками вверх в болотистую линию.

Мы все перемываем горечь неудач. Каждый из нас говорит:

— Война—это война. Что бы сегодня ни случилось, но завтра—мы это твердо знаем,—завтра вотанет утро, увенчанное победой. И еще мы говорим друг другу:

— Значит, надо, товарищ, работать чище, горячее!

Но Лука Лукич настроен иначе. Он нервно поправляет руки и, бросив на пол недосмороленную папиросу, огромо ворчит:

— О, ни минуты покоя, ни секунды отдыха!.. И к чему я напился из себя этот дурацкий галстук?.. Нашел время!.. И зачем это под окном разные разные клубы, цветочки?.. Нашел время!.. Чему улыбаетесь?.. Нашли время!.. Я сейчас совершенно не могу работать!.. Не то настроение, чтобы что-нибудь делать!.. И как это вообще можно теперь чем-нибудь серьезно заняться? Кто там за окном поет? Нашел время!.. «Серый камень!..» Ужас!.. Ужас!.. И даже говорят, что будто бы...

Нос, повешенный на лямку, то бледнеет, то зеленеет. И брызжет из него капельки дождяного пота.

Простолю смотреть на него. Я всею в силу не нос, а его клятого лямку.

Г. РЫКЛИН

— Слышали!..

— Рассказали о нем солидный человек... Не трепач!..

— Да что вы говорите?..

— Уверю вас! Это точно!..

— Вот так новость!..

— Пойти рассказать!..

Пиратская Баллада

Плывут, потерявши компас и маршрут.
Плывут, не краснея несли орут.

Валюты в зверской и подлой красе
И Зигфрид, и Готфрид, и рыцари все.

И вьется на мачте со свастикой флаг.
Все вынито и чорту из бочек и флаг.

Все съедено и дьяволу. И на борту
Голодные морды глядят в темноту.

В каюте азартная игра.
Последние ставки гребут шулера.

Последний, последний приходит рассвет.
Последней команды собирает совет.

Тут первым выходит из каюты актер.
Еще из гербояского грима не стер.

Не броска кривляться друзьям на беду,
И речь провозгласит почти как в бреду.

ГЛАВНЫЙ

Хотите цифры? Отчета ждете?
Не выйдет, рыцари! Шампань!
Недаром нам гадала тета,
Что все на свете снится лишь.

Я обещал вам сто Германний,
Подарки роздал на сто ног,
И, дулю скрывавши в кармане,
Вбил пулю в каждый анкетет.

Вы шли со мной по доброй воле.
Мы канты, рыцари-друзья.
А вы, накрившись морской солом,
Орете, дулами грозя!

Бей, сволочи! Только целясь зорче.
Бей! Всем зарядом в морду грань.
А я загворен от ворчи
И от твоей облоймы, драм.

Тут лезет на бочку писать на носках
Еще один главный, мерзавец-толстяк.

Бросает он золото пыльным в лицо,
И рыцари тесно сдвигают плечо.

ТОЛСТЯК

Не крах у Нары и морально.
У Карла крейцеров не крах,
Но среди ваших генералов
В главный обер-генерал.

Я беззастенчиво уланю
И за добычу не расклянчу,
И до рассвета на драгоне,
Как штемпор, я обложу плечу.

Затем без лишнего провозачка
Стремглаз сплыву на вас,
Горр обер Директор Веттер — лещик,
Горр обер Директор Веттер — лещик.

Тут лезет на бочку учный горбух
И что-то лопочет, продухастая буча.

ГОРБУХ

Вчера от Вильора до Канада,
От Мандрогеры до Хамы
Громче всех провозачка
Она истеричка, уми!

Вам не послушно консервы.
Вас не шпора сбивает с ног:
У вас, друзья, плечо перелом,
И, значит, третий билет лещик.

— Ты шутишь, дурак! — кричит горбуху.
Вдруг кто-то: — Слабень!
Другой: — Я толк!
Десятый: — Мне тошно!
Пятидесятый: — Ерунда!
Тот же мандометель кончается ерунда.

Верхушки потопят, терпят жары.
Терпят броне боевой кожуре...
Одна только звездочка в небе горит.
Баллада плывет сплавочный ритм.

Моравы куда-то несется в скач.
Скачет в штырях или циркач.

Когда балладу прочтет мой вкус,
Пройдет он мимо балладных штук.

Увидит выки по всей разворот.
Что здесь намалеван фашистский сброд.

Ему не надо знать из имен.
Карикатурой здесь заменен

И Гитлер, и Геринг, и Гоббелс, и др.
Их лица стерлись давно до дыр.

Павел АНТОКОЛЬСКИЙ

Иллюстрации Л. Бродяги

Рис. Г. Валька

— Никогда не предполагал, что партизаны знают столько языков: и русский, и польский, и чешский, и норвежский, и сербский, и французский...

ДЫМОК

ОТТО Карпентер был изосторге: рана оказалась достаточно серьезной, и из госпиталя его отпустили на поправку домой. — Выздоровляйтесь, — сказал врач. — Медленно, но верно, — благодарно ответил Отто и подумал: «Главное — медленно». Первый его визит был к тетюшке. Так приятно снова встретить родню и знакомых и оставить себя в мирной обстановке. Правда, мама у асек несколько вытравилась, но это понятно: они беспокоятся за его здоровье. — Дорогие мои, сейчас я вам расскажу, как я получил эту роковую пулю, — сказал Отто, уютно устроившись в кресле.

Лежа в госпитале, он каждый день мысленно украшал пышными словами этот не особенно интересный рассказ, так что теперь, даже при желании, не смог бы сам разобрать, где суть и где отделка. — Слушайте. Впрочем, нет. Тетя, у вас, кажется, слабые нервы, и вам, право же, лучше бы не слушать. Итак, я начинаю. Крутом пролетали кружия... Санитарный дождь лился на наши головы... Смерть заглядывала нам в зрачки... Звезда стонала и содрогалась!

Он обвел глазами слушателей. — Очень обидно, — подумал он, — что от таких скрупулов не содрогается родственник. Даже у хорошенькой кузины Алисы совсем будничное лицо. Но я сумею их расшевелить! — Мы ползли, как змеи, — продолжал Отто. — Скользя среди камней к назначенной цели. Цель эта была ценой под траншею скалой. Крутом разделись яма, взлетали в воздух фонтаны камней. Дверь домика была открыта, и только из трубы тонкой струйкой вылетал дымок.

Тетюшка окликнула первую. Она встревожилась, глаза ее заблестели под стеклами очков.

— Отто, мой мальчик, ты сказал: дымок? Но ведь если вылетел дымок, там, вероятно, пожегся человек?

— Очень возможно, — согласился Отто. — Итак, я продолжаю. Спрятанный спаряд сзади свистом...

— Отто, подумай! — взволнованно перебрал

дядюшка. — Ты спал рассей. Ты перепрыгнул с обрыва захватывающего места. Ты проворил — дымок? Но, может быть, этот дымок пахнул чем-нибудь необыкновенным, например жареной картошкой, а? — при этом дядюшка сделал губами жевательное движение и прожег проглотив слюну.

«Чорт возьми, но сознаться же им, — подумал Отто, — что именно из-за этого дыма я получил эту роковую пулю!»

Он сказал: — Тут уж, знаете ли, разбираться не приходится, чем он там пашет. Мы встали во весь рост и кинулись к нашей цели. Удар прикатил! Дверь в щель! И вот тут-то из темноты раздался роковой выстрел!

— Ах! — вскрикнула кузина Алиса и зажала бледно-розовые губы.

— Дорогая, — улыбнулся Отто, — не надо волноваться, все это уже сказано.

— Ужасно! — страдальчески сказала кузина. — Значит, раздался выстрел? И вы ранены? И вы так и не узнали, от чего шел дымок? Что там жарилось, в этой пещере? Может быть, там действительно была картошка, и эта пуля была ливнем вас того же ужины!

Отто, замешкавшись, но все же постаравшись ответить по возможности кратко:

— Дорогая Алиса, я предлагаю поужинать в нашем обществе — и вот я здесь! Никто лучше нашей тетюшки не умеет жарить рыбу и извлекать молоко с жареной теляткой. Итак, может быть, мы перейдем к столу?

— Нет, Отто, побудьте — задохнулись дыма! — Не в столовую. За нашей рыбой, за нашим молоком и за нашей теляткой тебе пришлось бы идти гораздо дальше — в Германию! В Берлин! Потому что в наша местная физическая королева и наша физическая рыба...

— Ужасно! — процедила тетюшка. — Не говорите о вещах из потустороннего мира! Королева, рыба! Зачем прерывать дорогие темы? Отто, мой мальчик, может быть, ты продолжи свой приятный рассказ про дымок? Или, может быть, ты вспомнишь еще что-нибудь аппетитное в этом роде?..

В. ОГНЕВА

Золотые руки

Мы с подружкой не гадали,
Что придет такой денек,
Что вытаскивать детали
Встанем оба за станок.

Но у моей подружки
Золотые руки!
На шестые сутки ей признался
цех:

«От твоих подарков
Будет немцам жарко.
Ты из наших новеньких будешь
лучше всех!»

Я завидовать не стала,
Не заплакала со зла —
Я как следует нажала
И подружку догнала.

Но у моей подружки
Золотые руки!

«Мы, — она сказала, — будем,
как в бою!»
Подмигнула глазом
И почти в два раза
Норму увеличила в этот день
свою!

Я отлично это помню:
«На работе, как в бою!»
И хоть очень нелегко мне,
Все же я не отстаю.

И над-х нечека
Мам сказал без смеха:
«Молодцы подружки! Слова вам и
честь!»

От таких подарков
Будет немцам жарко!
Мы не отрезаем — это так и
ест!

Сергей ВАСИЛЬЕВ

РАЗНОСТОРОННИЙ ГЕББЕЛЬС

Рис. Бор. Ефимова

— Что это с господином Геббельсом?
— Диктует очередную информацию. Так ему легче придумать
все наоборот.

Метким ударом

(По столбцам красноармейской печати)

СРЕДИ ФРИЦЕВ

— Что же нам останется делать, когда в Европе будет создан второй фронт?
— Сдаться в плен на первом.

(«Красный кавалерист»)

У ФРАНЦУЗОВ

— Слышали?.. Около Парыжа, в окрестности скотобойни Виллет, наши патриоты убили бомбой шесть немецких солдат...

— Значит, теперь в этих окрестностях уже не одна, а две скотобойни.

(«Красный кавалерист»)

СТАРЫЕ ЗНАКОМЫЕ

— Андрей Петрович! Слышали про «Ваню»?

— Ну вот! Спросил! Я и дога его знал.

— А про «Деда» слышали?

— Еще бы! Я даже с батей его знаком!
(«Вперед на врага»)

В БРЕМЕНЕ

— До чего мыл Эрик! В посланном письме он шлет мне тысячу воздушных поцелуев...

— Опять тысячу? Опять воздушных?
(«Вперед на врага»)

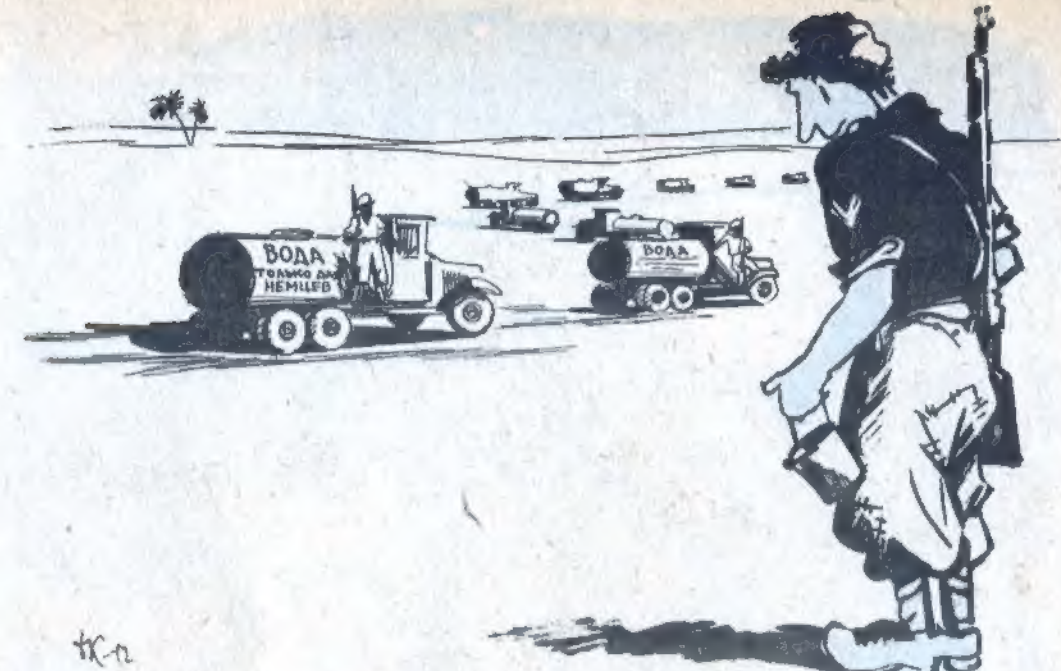
ВСЕ ЯСНО

Фриц: — Дурак и мошенник. Ты согласишься?

Ганс: — Да, скотина порядочная! Ефрейтор: — Эй, вы там! Заткнитесь! Что у вас другого разговора нет, кроме как про фюрера трепать языком?

(«Красный кавалерист»)

Рис. Б. Клишча

ИТАЛЬЯНСКИЙ СОЛДАТ: — Как много воды утекло с начала нашей дружбы с Германией!

Сложная душа

СЕМНАДЦАТИЛЕТНИЙ* студент Ганс Шмерке сидел в городском парке на скамейке и занимался несвойственными ему делами: он думал и грустил.

Думать Гансу всегда было трудно: его мыслительный аппарат работал медленно, тяжело, со скрипом.

Год назад он подрастал в пивной с музыкальными полунами-эксцентриками «2 Мюллер 2» и те полчаса играли на его голове в чепуре руки пивных кружками.

Голова Ганса выдержала этот своеобразный экзамен на аттестат зрелости, но тут таинственный маховик, который ворочается в человеческом мозгу, рождая мысли, у Ганса Шмерке стал крутиться в два раза медленнее нормального.

Думал и грустил Ганс Шмерке вот по какой причине. На сцене фашистской студенческой молодежи в Зальцбурге, откуда Ганс вернулся два дня назад, один оратор сказал, что у молодого немца душа сложная. Почему эта фраза глубоко задела в сердце Ганса Шмерке. Впервые в жизни он подумал о собственной душе. Какая она у него сложная или несложная? Ему ужасно захотелось, чтобы душа оказалась сложной. Это ведь очень приятно, когда про тебя говорят: «Видите этого молодого, красивого студента? О! У него сложная душа!»

Итак, Ганс Шмерке сидел на скамейке в парке и грустно думал.

Скрупуловатый маховик медленно делал свои обороты.

Идея того чтобы про меня сказали, что у меня сложная душа, — думал Ганс, — надо совершить какой-то необычный поступок. Какой?

Прошло полчаса. Маховик в мозгу Ганса Шмерке делал новый оборот:

«Хорошо Альберту Гельмуту: он всегда ходит грустный, задумчивый, томный. Все думают, что у него сложная душа, а у него просто-напросто оравенская говорова. Может быть, все тоже есть смысл подыграть говороу?»

Прошло еще полчаса — маховик делал свое дело:

«Нет, не стоит. Лечение обойдется дорого и вообще... А что если я попробую придумать какой-нибудь новый способ смертной казни? Что-нибудь такое древнегерманское? Тогда про меня обязательно скажут, что у меня душа сложная!»

Прошло еще час — от измучившей работы мыслительного маховика в мозгу Ганса Шмерке появилось какое-то неприятное дре- безмание.

«Вешать? Ужас! Вешать! — думал Ганс. — Рубить головы? Давай рубить! Сажать на кол? Сажать! Вот чорт, все способы расхватали! Отдавать на растерзание дикому кабану? А где взять кабана? А если и найдешь кабана, так его с голоду растерзуют сами палачи. Нет, тут я ничего не придумаю. Тут надо профессором быть, философом, докторскую степень иметь».

Гансу Шмерке снова стало трудно. Так вот и прожвешь на белом свете без сложной души!

Он закурил новую трубку из капустиных листьев и, отодвинувшись на спинку скамейки, устало закрыл глаза. А когда снова открыл их, увидел, что рядом с ним сидит на скамейке старая женщина в старомодном чепце, с сумкой для продуктов в руках.

Странное раздражение, охватывая Ганса Шмерке.

«Вот рассказ старая ведьма! — подумал студент. — Она же мне будет вешать мысли. Смотрит своими глазами — полночь спалка!»

— Фрау! — сказал Ганс Шмерке. — Я вас прошу отсюда уйти. Вы мне мешаете.

— Что? Кто смущаете? — спросила «старая ведьма», приложив ладонь к уху: она была, по-видимому, глуховата.

— Убирайся отсюда вон! — заорал студент.

— Что? Какой вон? — переспросила старуха.

Тогда Ганс Шмерке быстро поднялся, взял старуху за шиворот и, повернув ее к себе спиной, дал ей такого пинка, что бедная «старая ведьма» перевернулась через дорожку, упала на газон и завала от боли в страхе пронзительно, как стрелы воздушной тревоги.

Судили Ганса Шмерке через два дня. Заключив его в предстательство местного отделения «Гитлер-младенцев». Он сказал блестящую речь, в которой он неопровержимо убедительно доказал, что поступок Ганса Шмерке — не кулибинский поступок, что суд должен понять сложную душу молодого немца, что старуха в данном случае олицетворяла толпу и темную массу, над которой всегда царит герой с яркой индивидуальностью, что национальные силы, будущие в сердце каждого молодого фашиста, никуда не выйдут из Ганса Шмерке и будут вновь и оправданы.

Суд так и состоялся: пошел и оправдан. Из судебного зала Ганс Шмерке вышел гордый, важный, с высоко поднятой головой. Еще бы! Ведь даже суд признал, что душа у него сложная.

Леонид ЛЕНЧ

— Ямщик, не гони лошадей!..

В тихом гарнизоне

ЮНЬИ лейтенант Ганс Любке катал на извозчике по тихим улочкам маленького городка оккупированной Франции.

Настроение у него было превосходное. Подумайте, вместо страшного русского фронта он стараниями тети Марты попал во Францию, в страну Петена и Лавалля!

И Гансу грелась мирная жизнь маленького гарнизона: дружеские попойки в кругу офицеров, легкие интрижки с пикантными француженками, семейные чаепития в гостях у почтенных буржуа...

Пока экипаж трусил по направлению к гостинице, Любке решил потолковать со старым извозчиком:

— Ну, как дела, приятель?

Старик покосился на пассажира и неожиданно вытянул кнутом гнидую клячку:

— Какие уж тут дела, месье? Сами видите, кого возить пришлось!..

Так как в этот момент без его самого Ганса, то презрительно горький тон, которым были сказаны эти слова, показался лейтенанту несколько странным в устах лояльного подданного маршала Петена.

— Возите вы теперь немецких офицеров, приятель... Что ж, вы недовольны, что ли?

Извозчик снова вытянул кнутом ни в чем неповинную лошадейку:

— Разно бывает, месье... Хромой Пьер, например, очень доволен... Каждый вечер хвастается... «Ты, — спрашивает меня, — сколько немецких офицеров свез?» «Одного, — отвечаю...» «А я, — говорит, — опять трех...»

— Должно быть, у него лошадь получше, — поучительно заметил Ганс.

Старик опять покосился на разговорчивого седока:

— Лошадки — что! Экипаж поварадей будет... Известно, катафалк...

— Что-о?!

— Катафалк, говорю... Пьер — кутер на катафалке...

Яркое французское солнце померкло в глазах юного лейтенанта Ганса Любке. Прогулка в нарядном катафалке с плюмажами прельщала его не больше, чем братская могила на русском фронте.

— А что, много в вашем городе умирает немецких офицеров? — запылая, спросил он.

— Слава богу, от других городов не отстаем.

Юный лейтенант вспотел:

— И от чего же они умирают?

— Смерть приходит...

— Да я не о том спрашиваю. — Любке сделал нетерпеливый жест рукой. — Немецкие офицеры умирают своей смертью, так сказать естественной, или насильственной?..

Извозчик повернулся к седоку двоялоборота и обижено сказал:

— Что вы, месье, помилуйте! Самой что ни на есть естественной... Майора фон Зельца ночью застрелили из окна. Лейтенанта Кранца задушили в гостинице. Ротмистра Зибеля убили за городом, когда он охотился за крестьянскими девушками. Недавно прибывшего лейтенанта Куртика свои же трахнули пыльной бутылкой по голове. Обер-лейтенанта Зюппе взорвали на улице Равенства вместе со всеми...

— Довольно! — заорал Ганс и сердито ткнул кулаком в тощую спину старика. — Замолчи! А по... — и он выразительно дернул кобур от револьвера.

До самой гостиницы ехали молча. У Ганса милое сердце. Вот тебе и тихий гарнизон, вот и интрижки с пикантными француженками, вот и страна Петена и Лавалля! Старая чертовка тети Марта все набрехала!

В гостинице юного офицера встретил командир батальона майор Штикляссер:

— Вы что, с ума сошли, лейтенант?

— Что такое, господин майор?

Господин майор от ужаса только мигал воспаленными веками:

— Как это вы решаетесь, не зная города, сесть на первого попавшегося французского извозчика? А если бы он завер вас чорт знает куда? А если бы его сообщники пырнули вас ножом? Вам плевать на это, лейтенант, а у меня убьют, в офицерах совсем как под Верденом...

Ганс Любке, которому совсем не было плевать на то, пырнут его ножом или нет, поблел, как мел.

— Но я... я... я... — залепетал он, — не знал, что здесь такая обстановка... Я думал...

— Вы думали, что едете в детский сад? В санаторий маршала Петена?

— Нет, нет, господин майор... Но я читал в газетах, что немцев во Франции забрасывали цветами...

Красноглазый Штикляссер грубо захохотал:

— Правильно, юноша. Действительно, когда мой батальон вступил в этот город, французы из окон забрасывали его цветами... Только некоторые по рассеянности кидали цветы вместе с цветочными горшками... И одна такая увесистая кадка попала в голову нашего предшественника, лейтенанта Штуббе... Если хотите навестить его могилу...

Но Ганс не хотел навещать могилу своего предшественника. Ганс вообще ничего не хотел, кроме того как сесть обратно в вагон и укатить домой, в Баварию — к маме, папе, кузине Лине и тете Марте.

Ему больше не грелась мирная жизнь тихого гарнизона.

Егг. БЕРМОНТ

БЕДНО КРОКОДИЛО

«Цу хаузе»

Автор этой выразительной карикатуры — немецкий солдат Герберт Пухт.

На карикатуре (справа, в углу) фриц роет не то окоп, не то могилу, что, впрочем, для фрица, брошенного на передовые позиции советско-германского фронта, абсолютно одинаково.

О чем же мечтает фриц, изображенный справа? Фриц не делает из этого никакого секрета: он мечтает о том, как бы выжить, как бы поскорее унести ноги с фронта и добраться домой.

Хотя, как видно из дорожного указателя, фрицу до фронта всего два километра, а до дома — тысяча двести километров, все же он не дурак и, посидев в окопе, мечтает верхом «цу хаузе» — домой.

Сладкие мечты Герберта Пухта были прерваны пулей советского снайпера.

Печатаю с удовлетворением посмертное произведение Пухта, мы говорим:

— Молодец! Спасибо!

Это мы говорим не немецкому карикатуристу, а нашему снайперу.

Сначала венец, потом конец

«Вилли!

Итак, с пятницы пошла третья неделя, как мы с тобой обвенчались, и ты уже далеко. Как это все произошло неожиданно и глупо!

Тебя обманули, мой мальчик: оказывается, ты поехал не во Францию, а в Россию. О, это ужасно, мой дорогой! То, чего ты боялся, произошло. Тетка Гертруда вчера была у нас и рассказывала — она была в лазарете, и ей там говорил один раненый офицер, — что наши солдаты в России болеют тифом, плохо питаются и скверно выглядят. Неужели это правда? Ведь в газетах все время пишут о том, что на Восточном фронте хорошо кормят. Берегись, Вилли! Тиф — это ужасная болезнь. А если тебе мало еды, старайся доставать у русских крестьян, да не стесняйся, а то будешь голодным! Тетя говорит: у русских крестьян много сала и масла, но они не дают нашим солдатам, прячут так, что не скоро найдешь. Попугай их пистолетом — и они отдадут тебе. Другие так делают, и они достают. Впрочем, зачем мне тебя учить: ведь ты и сам догадаешься.

Еще просьба. Будь осторожен, не старайся особенно показывать себя, не напрашивайся на опасные дела. Чорт с ними, с наградами и крестами, лишь бы ты вернулся домой живым. Ах, эта проклятая война! Ты, наверное, еще не знаешь: наш сосед Леонгард убит в России. Мать его при смерти от этой вести. Еще бы! Ведь он у нее единственный сын. Убит также Август Дучинц. Пауль Шмитгольд прислал письмо из госпиталя из Варшавы: ему миной оторвало обе ноги. Ранены Эрлих Штарт, Иозеф Крайниц, Иоганн Берг. Какой-то кошмар! Вчера вечером видела Дуннеля; у вас в колбасной тоже многих уже нет: Мейль убит, Хартин тоже, Луйберге ранен.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24; тел. Д 3-33-50; Д 3-33-67. Прием изданий: с 1 до 5 час. Подписная цена на журнал — 1 р. 50 к. в месяц.

Изд-во ЦИ ВКП(б) «Правда»

Москва, Изд. № 558

Подл. и печати 22/VII 1942 г.

Статформат 72x105 см.

Печ. л. 1. Кол. лн. в 1 печ. л. 78 000

А 50947

Типография газ. «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

Заказ № 1945.

Тираж 200 000 экз.

Ну, готт мит унс (с нами бог)! Я думаю, ты вернешься в свой Мюнхен; у нас все по-старому. Маменька хотя и плачет по тебе каждый день, но здорова, она все дни пропадает в лавках, хотя и купить там нечего.

Да, Вилли! Я задумала сшить себе халат. Не достанешь ли ты там немножко шолку на отделку? Желательно брусничного цвета. У русских хорошее льняное полотно, не достанешь ли? Оно пригодилось бы на чехлы к мягким креслам и дивану. Нет ли там мехов на воротник? Поищи. Ну, будь здоров, Вилли!

Твоя Эльза.

...

Это письмо я нашел в кармане убитого унтер-офицера Вилли Кюндера. Мюнхенский колбасник лежал на русской земле, широко раскинув руки. Советская миная успокоила бандита навсегда. В конверте вместе с письмом лежала фотография: унтер, одетый в парадную форму, стоит со своей женой. В ранце у него лежали два куска отбеленного холста. Он не успел послать его в Мюнхен. Грабитель и мародер Вилли Кюндер, как и тысячи других бандитов из гитлеровской грабярмни, приказал долго жить. Как говорит русская пословица: «Конец — всему делу венец». Правда, поговорка вышла немножко наоборот: сначала венец, потом конец.

ИВ. ЕГАРМИН,
старший политрук.

Действующих армий.

Мастер на все руки

Что изображено на этой карикатуре?

Грязный и зловонный фриц, в рваном обмундировании, с обросшей и испитой физиономией, собирается с фронта в отпуск домой. Вот уезжает с награбленным барахлом, а вот и лошадка на колесиках с надписью «Мейн пферд» — «Моя лошадка».

Кто этот фриц? Рядовой Иоганн Новак. Кто автор этой карикатуры? Он же, рядовой Иоганн Новак.

Оказывается, Иоганн Новак — мастер на все руки. Он и портснать поразд, он и повоювать непрочь... если бы не так сильно и метко стреляли советские бойцы.

Иоганн Новак всего месяц назад приехал на русский фронт. И, пробыв только несколько дней на передовых позициях, твердо решил сдаться в плен. Не расспрашивая товарищей: «Где тут плен?», — хитрый Иоганн Новак в первом же бою обратился с этим вопросом к красноармейцам и получил у них исчерпывающий ответ.

Таким образом, все остались довольны: и Иоганн Новак, благополучно вышедший из игры, и бойцы, взявшие еще одного пленного, и наши читатели, которые, вероятно, охотно посмеются не только над карикатурой, но и над ее незадачливым автором.

ХУЖЕ ЗВЕРЕЙ

Рис. Л. Бродаты

— Кто скажет, что я плохо отношусь к детям! Вот одежонку с твоего мальчишки я и беру для моего Ганса.